

Дзансолова Мадина Валерьевна

Магистрант

Направление обучения: Юриспруденция

Направленность (профиль): Уголовно-правовой

Общая характеристика преступлений против судебной власти в сфере осуществления правосудия

Интересы судопроизводства как объект уголовно-правовой охраны ввиду многообразия включаемых в его содержание общественных отношений не могут быть представлены в качестве односложного защищаемого блага, что требует детального анализа системы преступлений, предусмотренных гл. 31 УК РФ, а также доктринальных подходов к их классификации.

Говоря о преступлениях против правосудия в целом (в них входит большая группа изучаемых преступлений), следует отметить, что они традиционно составляют незначительную часть от общего количества совершаемых преступлений.

Не вызывает сомнений тот факт, что преступления против интересов правосудия образуют систему, т.е. представляют собой определенную структурно-логическую целостность, состоящую из совокупности элементов (35 основных составов и 19 квалифицированных или особо квалифицированных составов преступлений), находящихся во взаимосвязи друг с другом, которая в рамках Особенной части УК РФ обусловлена общностью видового объекта преступного посягательства.

Полагаем, что принятое в среде специалистов в области уголовного права использование термина «система преступлений», независимо от их

содержательной характеристики связано с необходимостью акцентировать внимание на том факте, что исследуемая совокупность преступных посягательств является сложной конструкцией, которая не имеет линейного выражения, но вместе с тем, остается целым и единым правовым институтом.

Система преступлений против правосудия не является исключением, поскольку обладает как свойствами упорядоченности в технико-юридическом смысле и содержательной целостности, так и определенными закономерностями построения, функционирования и развития.

Приведем некоторые аргументы в пользу системного подхода к анализу общих закономерностей построения системы преступных посягательств на интересы правосудия, а также особенностей подсистемы посягательств на общественные отношения, складывающиеся в процессе производства предварительного расследования.

Во-первых, наиболее существенной количественной характеристикой системы преступлений является ее целостность, которая обусловлена наличием нескольких интегративных начал. Это, прежде всего, логичный и последовательный понятийный аппарат, используемый законодателем при моделировании уголовно-правовых запретов.

Можно с определенной долей уверенности утверждать, что структура языка является выражением структуры системы.

И в этом смысле в том случае, когда понятием «правосудие» мы обозначаем исключительно деятельность суда по разрешению правового спора по существу, то в качестве базовой дефиниции при детерминации видового объекта преступных посягательств следует использовать конституционный термин «судопроизводство», что позволяет интегрировать в систему преступлений разнородные элементы, составляющие, наряду с судебной деятельностью, содержание процессуальной деятельности органов предварительного расследования, органов, обеспечивающих исполнение судебных решений, а также деятельность иных лиц, вовлеченных в орбиту уголовного, гражданского, арбитражного и административного процессов.

Интегративным началом является, как уже было отмечено, объект преступных посягательств, который одновременно выступает одним из наиболее востребованных критериев выделения внутри системы преступных посягательств на интересы судопроизводства взаимосвязанных подсистем:

- преступления, посягающие на отношения, обеспечивающие нормальное осуществление правосудия судом (ч. 1 ст. 294, ч. 1 ст. 296, ст. 297, ч. 1 ст. 298.1, ч. 1 ст. 303, ст. 305 УК);

- преступления, посягающие на отношения, обеспечивающие нормальную деятельность органов прокуратуры и предварительного расследования по осуществлению функции уголовного преследования (ч. 2 ст. 294, ст. ст. 299 - 300, ч. 1 ст. 301, ст. ст. 302, 304, 310 УК);

- преступления, посягающие на отношения, обеспечивающие нормальную деятельность органов по исполнению судебного акта (ст. ст. 312 - 315 УК РФ);

- на отношения, обеспечивающие нормальную деятельность всех органов по осуществлению правосудия (общие преступления против правосудия: ст. 295, ч. 2 ст. 296, ст. 311 УК); либо органов суда по осуществлению правосудия, а также органов прокуратуры, предварительного расследования по осуществлению уголовного преследования (ч. 2 ст. 301, ч. 2 ст. 303, ст. ст. 306 - 309, 316 УК); либо органов прокуратуры, предварительного расследования по осуществлению уголовного преследования, а также органов, исполняющих судебные акты (ч. 2 ст. 298.1 УК).

Ответственность за фальсификацию доказательств, повлекшую тяжкие последствия (часть 3 статьи 303 УК РФ), при наличии к тому оснований может наступать независимо от вида судопроизводства, в ходе которого совершено данное деяние.

В зависимости от непосредственного объекта посягательства предлагается выделять пять групп преступлений:

- посягательства на отношения по реализации конституционных

принципов правосудия (ст.ст. 299 - 301, 305 УК РФ);

- посягательства на деятельность органов правосудия в соответствии с его целями и задачами (ст.ст. 294, 298.1, 311 УК РФ);

- посягательства на процессуальный порядок получения доказательств по делу (ст.ст. 302 - 304, 306-309 УК РФ);

- посягательства на деятельность органов правосудия по своевременному пресечению и раскрытию преступлений (ст.ст. 310, 316 УК РФ);

- посягательства на отношения по реализации судебного акта (ст.ст. 312-315 УК РФ).

Во-вторых, исследуемая система имеет структуру, то есть определенное строение, взаимное расположение, организацию ее элементов, а также совокупность связей между ними. Это предполагает, что между преступлениями, входящими в гл. 31 УК РФ, существуют такие связи, которые позволяют в ходе анализа охватить всю полноту.

Так, например, определенным системным началом является психическое отношение лица к содеянному, которое в анализируемой системе играет, как уже было отмечено, роль определяющего признака, поскольку посягательства на интересы судопроизводства совершаются с прямым умыслом.

Кроме того, наличие системных связей между посягательствами на интересы судопроизводства, полнота общественных отношений, являющихся объектами уголовно-правовой охраны обусловлены кругом субъектов, в них вовлеченных. Как следствие, в учебной литературе достаточно распространена систематизация преступлений по названному критерию.

В зависимости от субъекта, который в некоторых исследованиях определяется как специальный – должностное лицо правоохранительного или судебного органа, имеющее властные полномочия в процессе судопроизводства, а также иной участник процесса, не исполняющий возложенные на него законом обязанности, все деяния, предусмотренные гл.

31 УК РФ, также делятся на две группы:

- деяния, совершаемые должностными лицами (ст.ст. 299-303, 304, 311 УК РФ);

- деяния, совершаемые гражданами, вовлеченными в орбиту судопроизводства (ст.ст. 294-297, 298.1, 304, 306, 308, 310, 312, 316 УК РФ).

В основу приведенной выше классификации положен не субъект, а механизм совершения преступления: оно либо совершается «изнутри», т.е. лицом, находящимся в системе правоохранительных и судебных органов, либо «извне» - иным лицом, на которое не возлагается функции уголовного преследования, разрешения дела по существу, а также исполнения судебного решения.

В то же время, преступления, совершаемые специальным субъектом, по делятся на:

- 1) совершаемые лицами, использующими свои служебные полномочия (ч.3 ст. 294, ст. 299-302, ч. 2 и 3 ст. 303, ст. 305, ст. 311, ч.1 ст. 312 в части осуществления банковских операций с денежными средствами, на которые наложен арест, ст. 315 УК РФ в части злостного неисполнения судебного акта);

- 2) совершаемые иными лицами (иные преступления со специальным субъектом). В последнюю группу не включено укрывательство преступлений, на том основании, что для субъекта преступления все перечисленные выше критерии не актуальны, поскольку достаточным является только отсутствие близкого родства или супружеских отношений.

Многообразие позиций относительно содержания анализируемой классификации делает ее, на наш взгляд, небезупречной, поскольку лежащий в ее основе критерий не всегда используется последовательно, хотя в него и вкладывается один и тот же смысл.

Любая классификация преступлений по непосредственному объекту посягательства неизбежно затрагивает и его субъектов, следовательно, выделяя в качестве основы деление посягательств на те, которые затрагивают

деятельность судебной власти и те, которые посягают на деятельность иных лиц содействующих осуществлению правосудия, необходимо учитывать, что они совершаются как должностными лицами органов уголовной юстиции, так и иными гражданами, вовлеченными и не вовлеченными в орбиту судопроизводства.

И, наконец, в-третьих, при построении любой системы, включая систему преступлений против правосудия, необходимо руководствоваться принципом иерархии, т.е. «возникновением в системе нескольких уровней, подчиненных по нисходящей, со своими зонами ответственности, ресурсами, локальными целями».

В этом смысле наиболее логически выверенной является система преступлений против жизни, где высшую ступень в системе преступных деяний занимает убийство как намеренное причинение смерти, являющееся наиболее общественно опасным, а затем - неосторожное или небрежное причинение смерти.

Не так однозначно решается вопрос об иерархии преступлений, содержащихся в гл. 31 УК РФ, где, на наш взгляд, отсутствует «базовое» по степени общественной опасности посягательство.

Следуя принципам формальной логики, можно предположить, что таковым является воспрепятствование осуществлению правосудия и производству предварительного расследования (ст. 294 УК РФ), затем посягательство на жизнь лица, уполномоченного на их осуществление (ст. 295 УК РФ), угроза или насильственные действия в отношении данных лиц (ст. 296 УК РФ) и т.д.

Однако, подобный подход противоречит ценностной ориентации уголовного закона, и его можно рассматривать как одну из системных ошибок законодателя.

Думается, что с позиции свойства иерархичности системы преступлений против правосудия самостоятельную теоретическую ценность представляет классификация, в основу которой положен поиск общих

признаков объективной стороны составов преступлений, предусмотренных гл. 31 УК РФ, сообразно чему их предлагается делить на:

- преступления, посягающие на самостоятельность судебной власти, ее авторитет и безопасную деятельность судей и иных лиц, содействующих осуществлению правосудия (ст. 294 – 298.1 УК);

- преступления против правосудия, совершаемые судьями и иными должностными лицами органов предварительного расследования и сторонами по гражданскому (арбитражному) делу (ст. 299 - 305 УК);

- преступления, посягающие на установленный Конституцией РФ и процессуальным законом порядок получения, использования и сохранения доказательственной информации (ст. 306 - 310 УК);

- преступления, посягающие на установленный законом порядок исполнения вступивших в законную силу приговоров, решений судов и иных судебных актов (ст. 311-315 УК).

Таким образом, принцип системности, положенный в основу конструирования гл. 31 УК РФ, позволяет определить совокупность названных в ней преступных деяний как группу однородных преступлений, интегрированных на основе общего объекта посягательства - интересов судопроизводства, имеющих целостность, внутреннюю организационную структуру и единый понятийный аппарат.

В силу разнородности общественно опасных посягательств, объединенных в гл. 31 УК РФ, предложить одноуровневую классификацию по единому основанию достаточно сложно.

Речь в данном случае должна идти именно о системе преступлений, которая структурно интегрирует в себе несколько подсистем, т.е. строится на основе внутреннего содержания тех общественных отношений, на которые посягает виновный.

На первом этапе можно выделить две основные группы посягательств: посягательства на деятельность участников судопроизводства (ст. 294, 299-310, 312-316 УК РФ); посягательства на личные блага участников

судопроизводства (жизнь, здоровье, честь, достоинство), а также их близких лиц, имеющие целью воспрепятствование законной деятельности или из мести за нее (ст.ст. 295- 298.1, 311 УК РФ).

На втором этапе систематизации деятельность, являющаяся объектом посягательства в первой классификационной группе, может быть детерминирована в зависимости от ее содержания на несколько подгрупп:

- посягательства на деятельность, связанную с принятием процессуальных решений (ст.ст. 294, 299, 300, 301, 305 УК РФ);
- посягательства на деятельность, связанную с получением объективной информации о преступлении, а также с получением доказательств (ст.ст. 302- 304, 306- 309 УК РФ);
- посягательства на деятельность, составляющую содержание уголовного преследования в досудебном производстве (ст.ст. 310, 316 УК РФ);
- посягательства на деятельность по исполнению судебных решений (ст. 301 ч. 2 – в части содержания под стражей; ст.ст. 312, 313, 314 и 315 УК РФ).

Во второй классификационной группе также может быть выделено несколько подгрупп:

- посягательства на жизнь, здоровье и безопасность участников судопроизводства и их близких лиц (ст.ст. 295-296, 311 УК РФ);
- посягательства на честь, достоинство и деловую репутацию участников процесса (ст.ст. 297, 298.1 УК РФ).

Национальная правовая система любого демократического государства стремится на высоком уровне поддерживать законность и правопорядок, что достигается, среди прочего, достаточно высоким уровнем правовой защиты от посягательств на интересы правосудия.

И только тогда правосудие будет объективным, беспристрастным, компетентным и доступным, приводить к вынесению законных, обоснованных и справедливых решений, что и требует от него российское

общество.

С учетом изложенного считаем, что надлежащая уголовно-правовая охрана интересов правосудия, выраженная во включении в уголовный закон перечня запрещенных законом деяний, представляется нам в качестве необходимого условия для высокого уровня и качества соблюдения прав и законных интересов граждан, удовлетворения общественных потребностей.